

ШОХИН В.К. **Философия практического разума. Агатологический проект.** СПб.: «Владимир Даль», 2020. 421 с.

Рецензируемая работа представляет собой дальнейшее развитие новаторского подхода, изложенного автором в монографии «Агатология: современность и классика» (М.: КанонЯ+, 2014) и в еще более ранней работе «Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль» (М.: РУДН, 2006). Обоснованную озабоченность у него вызывает нарастающее дробление поля философских исследований – появление все более детализованных «философий чего-то», или «философий родительного падежа». Обратной стороной этого процесса выступает явный дефицит интегрального охвата человеческого бытия. Согласно авторской метафоре, наблюдается бурный рост деревьев, за которыми не видно леса. Противобудывая этой тенденции, В.К. Шохин находит смысл в восстановлении аристотелевского разделения теоретического и практического разума и конституировании практической части философии как самостоятельной целостности. Основание такой целостности он усматривает в «агатологической телеологии»: «Практическая философия по определению должна заниматься действиями и их мотивами в любой области человеческой жизнедеятельности, а действия и их мотивы в значительной мере определяются целями, а потому она должна быть и *телеологической*» (с. 379).

Отдельные части практической философии образуют иерархическую систему, на вершине которой, по предположению автора, размещается *агатология*. Данный термин заимствован у почти забытого немецкого философа XVIII в. Иоганна Федера, который выделил агатологию как одну из трех частей практической философии, посвященную учению о многообразных благах. Выдвигая на передний план агатологическую программу, В.К. Шохин следует той давней традиции, которую начинал Платон своим выводом о Благе как солнце умопостигаемого мира. Платоновский охват темы, по изящному сравнению исследователя, соизмерим с информацией о мире, которая запечатлена Гефестом на щите Ахилла (с. 107). Но еще более панорамную картину благ автор находит у Аристотеля.

По замыслу В.К. Шохина, агатология может стать альтернативой ведущим «мегапрограммам» современности: деонтологической, идущей от И. Канта, утилитаристской, у истоков которой стояли И. Бентам и Г. Сиджвик, и аристотелевской, восходящей к перипатетикам и возрожденной Г. Энском, Ф. Фут и в особенности

А. Макинтайром. Понятие, положенное краеугольным камнем агатологической программы, более фундаментально, чем конкурирующие понятия долга (морального закона), пользы (благополучия) и добродетели (с. 374–375). Красной нитью проходит через современную этику полемика между деонтологической и аксиологической интерпретацией морали, и агатология определенно становится на сторону последней, правда, с некоторыми оговорками. Автор рецензируемой монографии находит немало аргументов в пользу примата блага над долгом. Самым весомым из них представляется указание на то, что благо приоритетно в сравнении с долгом в плане истинности. Следование долгу может быть чистосердечным и преступным. Нравственным оно становится только тогда, когда соответствует истинному полаганию блага. Правда, и за благо можно принимать то, что таковым не является, а потому истинное полагание блага требует духовного созерцания, которое намного сложнее и ответственнее, чем простое следование правилам и авторитету. Особых преимуществ у блага по сравнению с добродетелью, на наш взгляд, нет, разве что широта понятия. Но остается неясным, выигрышно ли это свойство для этики или нет. Для практической философии оно подходит в большей степени, там уместно говорить и о внешних, и о вечных благах, но к нравственности они имеют скорее косвенное отношение, в отличие от добродетелей.

Ключевой древнегреческий термин «ἀγαθός», используемый для названия исследовательского проекта, имеет несколько базовых значений: «достойный удивления», «пригодный», «доблестный», «морально добрый». Не все из этих значений имеют этический колорит. К достоинствам рецензируемой работы относится чрезвычайно детальный, можно сказать, дотошный анализ термина «благо» и родственных ему выражений у Платона, Аристотеля и стоиков, в Священном Писании, у огромного числа античных, средневековых, новоевропейских и современных мыслителей. 14 типов определений блага, систематизированных автором (с. 322–323), стали результатом вдумчивой аналитической работы. В каждом из этих типов в большей или меньшей степени обнаруживаются логические погрешности, но самым конструктивным автор находит аристотелевское определение блага как всего, что соответствует указанию разума для каждого субъекта и в каждом конкретном случае.

Детальное сопоставление благ с функционально близкими конструктами восточных культур – индийскими «пурушартами» и «кушала», китайскими «шань» и «дэ» – позволяет представить содержание первых более ярко и рельефно.

Оттеснение классической агатологии философии ценностей В.К. Шохин убедительно объясняет тем, что учения о ценностях в гораздо большей степени отвечали потребностям в самоидентификации современного человека (с. 59). Недостаток концепта «ценность» исследователь усматривает в том, что от интенсивного употребления он «стерся», сделался слишком широким и по этой причине утратил содержательность (с. 338–339). Правда, такое же наблюдение можно сделать и относительно концепта «блага», который в истории человеческой мысли употреблялся гораздо чаще и с более ранних пор. Вдохнуть в него новую эвристическую силу можно, только вводя какие-то дополнительные дистрикции, что автор и пытается сделать в теоретическом разделе своей работы. Связывая практическую философию с деятельностью интенционального субъекта, В.К. Шохин выделяет в его структуре три слоя или уровня значимостей: предпочтения, ценности и блага. Предпочтения соотносятся со вкусами субъекта и носят поверхностный, случайный и преходящий характер. Понятие ценностей автор стремится максимально освободить от «затертости» и размещает их в самом интимном слое субъекта, в глубине его сердца, там, где он уникален и не может совпасть ни с кем другим. Блага, по мнению исследователя, имеют особый статус, отличаясь устойчивостью от предпочтений и интересубъективностью от ценностей. Они являются продуктами практического разума, которые мы стремимся реализовать в своей жизни и приобщить к ним других. Очевидный интерес представляет попытка определить блага как «такую модальность значимостей, которую можно описать в контекстах специфической рациональности, интересубъективности, телеологичности, иерархичности, позитивности и в некоторых своих измерениях вечности и которые в наибольшей степени локализируют практическую, этическую и религиозную интенциональность» (с. 352).

Выигрышным моментом в агатологическом проекте выступает отчетливо выраженная диалогическая направленность. В.К. Шохин решает – и не без оснований, по нашему убеждению, – считать основными вопросами философии те, которые вызывают наиболее оживленные и продолжительные дискуссии. Концентрация внимания на понятии блага дает возможность усилить в нравственности те аспекты, которые на волне глобальной демократизации выпадают из поля медийного и общественного сознания. В существе своем нравственность озабочена не только обеспечением равенства всех перед ее требованиями, но и поощрением лучшего,

не только сохранением общественного блага, но и защитой индивидуальных прав. Соотношение этих ее сторон извечно было и, вероятно, всегда будет предметом полемики и движущей силой развития нравов. В содержательном плане авторское видение блага и благ представляет собой своеобразный синтез Афин и Иерусалима, а именно встречное движение благодати и добродетели. Отрицать его плодотворность, думается, невозможно.

Дальнейшие перспективы агатологического проекта представляются не очень ясными. В.К. Шохиным обработан огромный историко-философский и историко-теологический материал. Исследования в этом направлении целесообразно продолжить с охватом других культурных ареалов. Но каким должен быть понятийный аппарат и методология собственно агатологического исследования, должно ли оно по-прежнему фокусироваться на взаимоотношении духовных, телесных и внешних благ, на различии и единстве благого, полезного и приятного, на развертывании треугольника Ф. Шлейермахера (блага – добродетели – обязанности) или же надо искать новые углы зрения на эту проблематику, новые концептуальные средства? «Агатологической телеологии», которая указывается в работе как замена аристотелевской практической рассудительности, не хватает той конкретности, которая необходима для работающей научно-исследовательской программы.

Не беспроблемным представляется и разведение практической и теоретической части философии. Автор сам признает, что в термине «практическая философия» есть «неразрешимая неудовлетворительность», поскольку всякая философия может быть только теоретической и вместе с тем имеет практические выходы (см. с. 377). Если вести речь об этике, то ее содержательность и эвристическая сила существенно падают, если мы отвлекаемся от того, что существует, и ограничиваемся только благом или должным. Конструктивное решение этических проблем требует взаимодействия нравственной философии с антропологией и историей культуры. Об этом свидетельствуют и исторический опыт, и современный сдвиг исследовательского интереса от строго дисциплинарного к синтагматическому, междисциплинарному способу организации научного поиска.

Иногда В.К. Шохин слишком категоричен, например, заявляя, что практическую философию Шопенгауэра «нельзя не признать вполне аморальной» (с. 287). Из того, что муки совести объясняются из «пелены Майи», не следует, что требованиями справедливости или сострадания в реальной жизни рекомендуется пренебрегать. Как показывает опыт, мораль вполне может строиться на фиктивных основаниях.

Теоретическое содержание монографии и связь с острыми проблемами современности

свидетельствуют о том, что внедрение ее идей в научный оборот станет мощным импульсом в развитии практической философии вообще и этики в особенности.

А.П. Скрипник

Скрипник Анатолий Петрович – Саровский физико-технический институт, филиал Национального исследовательского ядерного университета МИФИ, Саров, 607180, ул. Духова, д. 6, кор. 6.

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории

Саровского физико-технического института НИЯУ МИФИ.

sapsarov@yandex.ru

Skripnik Anatoliy P. – Sarov State Physics and Technical Institute, National Nuclear Research University, MEPH, 6b, Duhova str., Sarov, 607180, Russian Federation.

DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and History, Sarov State Physics and Technical Institute, National Nuclear Research University, MEPH.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-10-215-217

ХАПАЕВА Д. Занимательная смерть: развлечения эпохи постгуманизма. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 328 с.

«Занимательная смерть» – так называется новая книга историка Д. Хапаевой, переведенная на русский язык в 2020 г. Эта книга примечательна тем, что ее автор пытается вступить в сферу философии и помыслить вульгаризацию темы смерти в современном мире как антропологическую проблему.

«Внимание читателей, – начинает Д. Хапаева, – предлагается исследование вопроса о причинах популярности виртуального насилия... Тридцать лет назад Хеллоуин не соперничал с Рождеством; «черный туризм» еще не превратился в стремительно развивающуюся индустрию; похоронные обряды были значительно менее экстравагантными... «шикарный труп» и стиль «череп» не являлись частью дешевой моды, готика, ужасы, садистское порно еще не сделали привычным развлечением, а вампиры, зомби, каннибалы и серийные убийцы не стали любимыми героями публики от мала до велика» (с. 11). Слово «смерть», вынесенное в заглавие книги, двусмысленно и для самого автора. Ясно, что фильм ужасов и смерть знакомого не одно и то же. Равно как смерть и насильственная смерть – это разные события. Д. Хапаева делает предметом своего анализа «танатопатию» – завроженность современного человека виртуальной насильственной смертью (Там же). Проявления танатопатии автор именуется «готической эстетикой» и включает в ее сферу продукты популярной культуры, которые удовлетворяют двум условиям: они имеют целью погрузить свою аудиторию в кошмар и их главным героем-рассказчиком является монстр (с. 44). Но установленные ограничения предмета исследования никак не влияют на круг задействованных в тексте феноменов, таких как БДСМ и садистское порно, так называемый черный туризм, то есть посещение мест массовых или громких убийств, «зеленые похороны», цель которых не нарушить местный ландшафт, попу-

лярность death studies (исследований явлений, связанных со смертью) или же интерес к танатографии – описанию предсмертных симптомов и мыслей умирающего. Автор разрывается между идеями о том, что современная культура изменила отношение к смерти, и о том, что она изменила свое отношение к человеку, что не одно и то же. «Танатопатия, – заявляет историк, – говорит больше об изменившемся отношении к людям, нежели о смерти как таковой» (с. 11). Почему именно «танатопатия»? Ключ к ответу на этот вопрос Д. Хапаева находит в антигуманизме: «Сосредоточенность нарративов готической эстетики на монстрах может быть рассмотрена как часть более глобального подрыва идеи человеческой исключительности, если не отказа от нее. Образ вампира в качестве центральной фигуры повествования олицетворяет собой новое отношение к человеческим персонажам. Когда вымышленные монстры не только убивают людей, но и питаются ими, это можно рассматривать как проявление радикальной разочарованности в человечестве как высшей ценности» (с. 45–46). Виртуальные насилие и каннибализм, вампиры и нечисть, явно демонстрирующие в популярных фильмах, книгах и видеоиграх превосходство над человеком, смело расправляющиеся с ним и нередко поедающие его, – все это явления идеологии «пренебрежения людьми», развенчания гуманизма, разочарования в нем, заключает автор. Ссылаясь на теоретиков концепции культуры индустрии Хоркхаймера и Адорно, Д. Хапаева пишет: «Коммодификация насильственной смерти символизирует отрицание человеческой исключительности» (с. 39). Иными словами, идеи антигуманизма превратились сегодня в расхожий товар, что в итоге «создало условия для возникновения танатопатии» (там же), философские и другие интеллектуальные истоки которой автор обнаруживает в постмодернизме, движении за права животных,